

Мануфактурой! Значит японцы.

б) При случае «хлебный террор».

в) Полит. террор?

Алексеев писал — он не разбит, двигается на юг.

Террор: Покушение на великого князя Сергея стоило только 7000 р.

Плеве — 30 000.

Я могу обеспечить некоторые фин. средства — Шипу, чтобы Клецанда 200 000 р.²

AUML, Praha, fond č. 41, XV/10/1.

Перевод с чешского. Подлинник.

¹ 1 марта 1918 г. Т. Г. Масарик встречался с князем Е. Е. Трубецким. Как свидетельствует собственноручная запись Масарика, Трубецкой информировал его о положении на Дону и, в частности, о финансовых затруднениях, которые испытывает генерал Алексеев («Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика». М., 1954, стр. 18).

² Как следует из публикуемого документа, Масарик беседовал с Б. Савинковым, руководителем подпольной антисоветской организации «Союз защиты родины и свободы», об экономическом и политическом терроре. При этом Савинков назвал Масарику суммы, потребовавшиеся ему для организации покушений на великого князя Сергея и царского министра внутренних дел Плеве. Масарик, в свою очередь, делает заметку о том, что необходимо дать распоряжение начальнику финансового управления филиала ЧНС Ф. Шипу выдать секретарю филиала ЧНС И. Клецанде 200 тыс. руб. для передачи Савинкову. Деньги эти были действительно переданы, что и подтвердил Савинков 27 августа 1924 г., представ перед советским судом.

«Я помню,— заявил он,— что когда я был в полном отчаянии, не зная, откуда взять деньги, ко мне без всякой моей просьбы явились чехи и передали довольно большую сумму — 200 000 керенских руб. Эти деньги, собственно говоря, тогда спасли нашу организацию...

Председатель: „Кто вам передал деньги от чехов?“

Савинков: „Клецандо“.

Председатель: „От чьего имени?“

Савинков: „От имени Масарика, он был тогда председателем Национального чешского комитета“.

Председатель: „Вы знали, на каких условиях они вам давали деньги?“

Савинков: „Они заявляли, что они хотели бы, чтобы эти деньги были употреблены на террористическую борьбу. Они знали, я не скрывал этого, что я в борьбе своей признавал террор. Они знали это и, передавая деньги, подчеркивали, чтобы деньги эти были употреблены главным образом на террористическую борьбу“» («Дело Бориса Савинкова». М., 1924, стр. 41).

Запись секретаря филиала Чехословацкого национального совета в России И. Клецанды о переговорах в штабе Московского военного округа об отправке чехословацких войск из России

Москва

15 марта 1918 г.

Присутствуют: Аралов, Мандельштам, Сталин (?)

На вопрос, что делают наши войска и что они хотят делать, я ответил, что они отходят из района Украины и что они стремятся удалиться от немецких войск, с которыми Россия заключает мир. Что они будут делать дальше, зависит от обстоятельств, а также в известной мере от правительства Народных Комиссаров. Мы бы хотели

сохранить хорошие отношения. К русскому народу мы всегда относились лояльно и лояльными останемся.

— А куда бы вы хотели отойти?

— Пока что войска хотели бы отдохнуть в районе, восточнее линии Курск — Орел.

— А потом?

— Потом мы хотели бы в Сибирь. Я думаю, что наше присутствие не может быть для вас желательно при ваших переговорах с немцами. Одновременно вы не можете выступить против нас, поскольку это не позволяет сделать ваша программа. Поэтому мы считаем самым подходящим несколько отойти, в данном случае примерно до Омска.

— А там вы бы остались?

— Мы охотно отправили хотя бы часть во Францию. Это было бы моральным ударом по Австрии. В политическом отношении это означало бы для нас очень многое. Но это зависит от развития событий здесь. Будете ли вы заключать мир для передышки, чтобы затем снова вести войну, будете ли вы реорганизовывать тыл и т. д.

— Мы знаем, что вы стремитесь во Францию! Если это соответствует вашим планам и интересам, то мы рекомендовали бы как можно скорее отправить вас. Остановка в Ельце невозможна. Мы хотели бы просить вас дать своим распоряжение, чтобы они двигались дальше. Это возможно, если будет достаточно эшелонов, что в конце концов было бы снова вашей заботой. Конечно, войска устали после тех боев, которые они вынесли под Бахмачем¹.

Мандельштам: «Тогда я сообщу товарищу Ленину о том, что самым подходящим для вас была бы отправка во Францию, а мы должны были бы помочь вам как можно скорее добраться до Владивостока?»

— Да!

(Идет к телефону)

Общая беседа о киевских событиях, о наших на родине. Сталин (?) указывает на то, что и русские должны будут произвести реорганизацию за Уралом. Пока пусть немцы наступают. Им будут чиниться препятствия, и тем самым мы отвлечем на себя значительную часть их войск, чем хотя бы немного облегчим положение западу. А потом мы бы снова начали.

Примерно через четверть часа Ленин сообщает Мандельштаму по телефону, что Совет Народных Комиссаров принял решение как можно скорее отправить чехословацкие войска во Владивосток.

Мандельштам приглашает меня прийти завтра в 12 часов к прямому проводу — переговорить с Воронежем. Товарищ Аралов будет говорить с местным комиссаром. Они помогут нашему быстрому продвижению, мы же, со своей стороны, должны позаботиться о том, чтобы в Европейской России не задерживаться.

Достигнута договоренность. Я поставил другой вопрос — об организации пленных. Мотивировка — обычная. Не возвращаться, организовать их либо для армии, либо в хозяйственные артели. Опять же в Сибири — в Омске. Нам должны помочь отправить туда пленных и организовать их там. Если бы, однако, организация частей, которая продлится один-два месяца, нарушила бы спокойную работу большевиков по реорганизации, то можно было бы, конечно, найти какой-либо выход. Я повторяю, что нет необходимости заверять в лояльно-

сти. Россия, покоренная Германией и лишенная свободы, является и нашим национальным несчастьем.

Присутствующие приветствуют наше отношение и подчеркивают свою уверенность в том, что мы не будем ввязываться и в дальневосточную авантюру. Что они нам верят, видно хотя бы из того, что они намереваются помочь нам добраться до Владивостока.

Мандельштам снова идет к телефону. Примерно через десять минут Ленин отвечает, что Совет уже разошелся и что этот вопрос откладывается до завтрашнего дня. Он лично с сочувствием относится ко всей акции и думает, что это будет принято. Завтра, примерно в 3 часа, мы должны закончить переговоры.

Я прошу поддержки в деле уведомления наших пленных об общем положении дел, поскольку почта не действует.

Принципиальное согласие.— Завтра сообщу подробности.

Иржи Клецанда

VNA, Praha, OČNR, krab. č. 21, sl. Zápisy
ze schůzi presidia OČNR v Moskvě.

Копия.

Перевод с чешского.

¹ 12—14 марта 6-й и отчасти 7-й и 4-й чехословацкие полки вели арьергардные бои с наступающими австро-германскими войсками в районе узловой станции Бахмач, где грузились в эшелоны остальные части корпуса.

30

*Донесение начальника военных сообщений Украины С. С. Бакинского народному комиссару по делам национальностей
И. В. Сталину о порядке сдачи оружия чехословацким
корпусом¹*

№ 44 Б
Екатеринослав

17 марта 1918 г.
23 час. 50 мин.

Чехословацкий корпус вышел из линии боев и окончательно уходит во Владивосток. По соглашению комкор [с] Антоновым² чехословаки сдают все боевое авиационное и обозное имущество, кроме винтовок, части пулеметов, двух батарей, по одной на дивизию, и одного аэроплана, по их словам, французского³. Из подлежащего сдаче имущества то, что нужно нам, они сдадут в Харькове, Белгороде, Курске, остальное подлежит сдаче в Воронеже, Пензе или других пунктах по указанию командвойск Московского округа Муралова. В Харькове, Белгороде приемные комиссии организованы Антоновым, в Курске Антоновым совместно с военревком Заблуким⁴. Далее приемные комиссии для тщательного приема остального имущества, обусловленного договором к сдаче в Воронеже, Пензе и...*, должны быть организованы распоряжением командвойск Муралова. Оставление себе двух батарей, части пулеметов и винтовок чехи объясняют тем, что им, быть может, придется пробиваться к Владивостоку с боем с пленными⁵.

* Далее одно слово неразборчиво.